

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ПРОЕКТЫ «ДОЛЕВОГО УЧАСТИЯ» И ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1973 Г.: ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ СТРУКТУРЫ ЭКСПОРТА СЫРЬЯ В СТРАНАХ СЭВ

А. А. Попов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, aaropov@susu.ac.ru

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда
(проект №17-78-10070)*

Энергетический кризис середины 1970-х гг. оказал огромное влияние на экономические отношения по обе стороны железного занавеса. В политизированной взаимной торговле социалистических стран это событие привело к пересмотру многих устоявшихся торговых цепочек. В данной статье на основе ранее не публиковавшихся статистических материалов Секретариата СЭВ проанализировано влияние энергетического кризиса на торговлю углем, коксом, медью, серой, целлюлозой и электроэнергией внутри соцлагеря. В производстве данных видов ресурсов были реализованы проекты «долевого участия», которые предполагали капиталовложения заинтересованных стран в производство сырья на территориях с богатыми запасами. Анализ показал, что в торговле товарами, рост производства которых в наибольшей степени зависел от реализации данных проектов, произошли принципиальные изменения структуры экспорта. После изменения механизма ценообразования внутри СЭВ, наиболее развитые страны блока, особенно СССР, начали импортировать большие объемы данных ресурсов из стран СЭВ, сократив собственный экспорт.

Ключевые слова: *Совет Экономической Взаимопомощи, внешняя торговля, энергетический кризис, СССР, история Восточной Европы, проекты «долевого участия».*

Экономическое сотрудничество европейских социалистических стран было закрытым от сторонних наблюдателей процессом, который находился под сильным влиянием политических факторов. По многим направлениям социалистической интеграции статистические данные никогда не публиковались или публиковались лишь частично, в других случаях – опубликованные данные имели критические для их корректной интерпретации пробелы и искажения. Значительное влияние политических факторов на процесс принятия экономических решений в плановых экономиках ограничивало возможности использования стандартного эконометрического инструментария. Все это долгое время затрудняло детальное изучение механизмов сотрудничества стран соцлагеря.

Исследования влияния кризиса 1973–74 гг. на советскую экономику и отношения СССР с социалистическими странами имеют длительную историю. В последние годы на основе новых архивных данных по отдельным странам было проанализировано развитие внешней торговли социалистических стран друг с другом [Stone: 1996; Kansikas: 2014b; Попов: 2018] и с европейскими капиталистическими странами [Kansikas: 2014a;

Libbey: 2010; Sanchez-Sibony: 2014; Липкин: 2016]. Наиболее подробно была изучена торговля энергоресурсами [Beckmann, Fidrmuc: 2009; Petrović: 2017], и сельскохозяйственными товарами [Gerlach: 2017]. Особенно подробно роль советской внешней торговли [Kansikas: 2017; Валетов: 2015; Пивоваров: 2018] и влияния на нее международных политических инициатив советского руководства [Некрасов: 2016; Липкин: 2017]. Однако недостаток унифицированных данных по внешнеторговым операциям затруднял как оценку влияния кризиса на страны Совета Экономической Взаимопомощи в целом, так и оценку динамики взаимной торговли по отдельным отраслям. В данной статье на основе материалов Секретариата СЭВ было проанализировано влияние энергетического кризиса на систему взаимной торговли европейских стран-членов СЭВ в торговле медью, серой, углем, каменноугольным коксом, целлюлозой и электроэнергией.

Выбор групп товаров обусловлен тем, что при их производстве с конца 1950-х социалистические страны осуществляли взаимные капиталовложения для расширения их производства и торговых поставок [Попов, 2018: С. 108–110]. Данного рода вложения были обусловлены не столько внутрен-

ним дефицитом ресурсов, сколько стремлением снизить валютные издержки и зависимость от поставок из капиталистических стран. Фактически, реализация подобных совместных проектов, основанных на принципе «долевого участия», была ориентирована на расширение экспорта сырья. Это противоречило логике социалистической политэкономии с ее ориентацией на экспорт товаров с высокой добавленной стоимостью.

Поскольку проекты, направленные на расширение добычи отдельных видов сырья при долевого участия заинтересованных стран, были изначально ориентированы на экспорт внутри СЭВ, торговля таким сырьем должна была быть относительно стабильной. На практике же расширение производства по ряду товаров вело к росту экспорта в капиталистические страны, а потому торговля этими товарами оказалась особенно уязвима для влияния резкого роста цен на сырье в середине 1970-х гг. и, обусловленного им, изменения механизма ценообразования торговли внутри СЭВ. Данный случай позволяет рассмотреть, как ориентированная на стабильное развитие социалистическая система реагировала на неожиданно возникшие издержки, обусловленные внешними факторами.

Статья основана на данных рассекреченных статистических сборников Секретариата СЭВ «Внешняя торговля стран-членов Совета Экономической Взаимопомощи» за 1964–1980 гг.¹ Данный источник содержит унифицированные в соответствии с принятой в СССР номенклатурой внешней торговли данные за период с 1960 по 1979 гг. Хотя по целому ряду товаров для конца 1970-х гг. данные неполные (особенно это характерно для данных по румынской внешней торговле), они являются более полными и надежными, чем официальные статистические публикации стран народной демократии. Благодаря тому, что сборники были подготовлены на основе данных, предоставленных национальными статистическими службами социалистических стран, рассматриваемые сборники дают возможность перекрестной проверки данных, что затруднительно или даже невозможно при анализе данных по внешней торговле только одной из стран.

Истоки экономического сотрудничества в сфере добычи сырья

Вторая мировая война и послевоенное разделение Европы на два лагеря нарушили традици-

онные экономические связи и производственные цепочки. Для восстановления экономики каждой из частей Старого Света требовались инвестиции и координация крупнейших держав по развитию основных отраслей. В Западной Европе эти условия обеспечивала реализация «плана Маршалла», а с 1950-х гг. – сотрудничество в рамках интеграционных проектов: ЕОУС, ЕЭС и Евратома. Восточноевропейские страны под давлением советского руководства были вынуждены отказаться от участия в «плане Маршалла». В качестве формальной альтернативы в социалистическом лагере в 1949 г. было создано собственное экономическое объединение – Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ).

В период правления И. В. Сталина большая часть активности внутри СЭВ сводилась к малоэффективным многосторонним совещаниям [Широков: 2005, С. 43–44]. Все соглашения, которые реально определяли экономические отношения между странами, были результатом двусторонних переговоров. С середины 1950х гг. активность органов СЭВ и, прежде всего, Секретариата СЭВ, значительно возросла. Однако и тогда двустороннее сотрудничество являлось определяющей формой взаимодействия государств друг с другом.

Вплоть до 1953 г. Советский Союз был главным бенефициаром существования социалистического блока в Восточной Европе, осуществляя импорт на крайне выгодных для себя условиях важнейших видов сырья, оборудования и технологий [Austin, С. 130–131]. Однако в середине десятилетия ситуация изменилась. Восточноевропейские страны смогли расширить свою автономию в принятии экономических решений [Skrzypek: 2005, С. 307–309]. Во второй половине 1950-х гг. были отменены многие неравноправные договоры. А Советский Союз после польского кризиса и подавления Венгерского восстания в 1956 г. значительно расширил экономическую поддержку сателлитов. Между Восточноевропейскими странами были восстановлены разрушенные при Сталине формы двустороннего сотрудничества. Так был восстановлен польско-чехословацкий Комитет экономической и научно-технической кооперации [Durka: 1986, С. 23].

На втором этапе социалистической интеграции – с середины 1950-х гг. до конца 1960-х гг. – экономические связи между восточноевропейскими странами активно расширялись и дополнялись новыми формами сотрудничества. Ведущая роль в развитии этих процессов, о чем свидетельствуют архивные материалы, принадлежала дву-

¹ РГАЭ, Ф.561. Оп. 53с. Д.49; Оп. 54с. Д.70; Оп.60с. Д.64; Оп.62с. Д.77; Оп. 64с. Д.65; Оп. 66с. Д.82.

сторонним формам взаимодействия социалистических стран, а не деятельности структур СЭВ. При этом сам Совет Экономической Взаимопомощи, особенно, когда его возглавлял Н. Фаддеев, явно претендовал на роль главной площадки для обсуждения экономического сотрудничества [Róžański, 1990, С.93–94]. Все важнейшие экономические проблемы обсуждались в рамках Постоянных комиссий, Отделов и других бюрократических структур, на основе этих обсуждения появлялись нормативные документы. Разработанные внутри организации рекомендации скорее описывали имеющиеся возможности на основе взаимных интересов и накопленного странами опыта сотрудничества. С этой точки зрения, деятельность СЭВ как организации была, по крайней мере до принятия в 1971 г. «Комплексной программы», своеобразным отражением сложной системы экономических отношений внутри социалистического блока. Конкретные формы сотрудничества обсуждались и анализировались в структурах Секретариата СЭВ, но их реализация зависела от договоренностей национальных правительств.

Одной из таких форм сотрудничества в конце 1950х – середины 1960-х гг. было участие заинтересованных стран-членов СЭВ в расширение производства ресурсов на территории стран, располагавших значительными запасами, касалось всего нескольких видов сырья. Данная форма возникла в условиях дефицита сырья (прежде всего, угля, железной руды и электроэнергии) в середине 1950х гг. Под действием тех же макроэкономических процессов параллельно возникли Европейское Объединение угля и стали и, чуть позже, западноевропейский центр ядерных исследований в Западной Европе и Объединенный институт ядерной энергии – в Восточной. Для стран-членов СЭВ ситуация с дефицитом сырья усугублялась форсированным развитием тяжелой промышленности по советскому образцу. При этом, социалистические страны, располагавшие большими запасами сырья, как Польша, Чехословакия и в самом начале процесса – СССР, опасались в соответствии с логикой коммунистической политэкономии превращения в «сырьевой придаток» для более развитых соседей, прежде всего, ГДР и Чехословакии и опять же СССР. Поэтому в национальных трех- и пятилетних планах в 1950-е гг. на развитие добывающих отраслей выделялись весьма ограниченные средства.

Взаимные поставки сырья между странами в этот период регулярно срывались, невыполнение одних обязательств вело к отказу от других, рос

дефицит. В самых проблемных областях – добыче угля, железной руды, серы, медной руды – странами, не располагавшими богатыми залежами, предпринимались попытки разработки собственных маломощных запасов: Польша с огромными убытками добывала бедные железные руды¹; Албания, Болгария, Венгрия, ГДР – уголь.

Необходимость сотрудничества в данной сфере была очевидна, целый ряд факторов ограничивал возможности взаимодействия. Задолженности в рамках двусторонней торговли мешали расширению поставок дефицитных товаров, как в случае польско-чехословацкой торговлей различными марками углей [Попов, 2016, С. 135]. Отсутствие у отдельных стран (например, Болгарии) достаточного количества товаров «первостепенного» значения жестко ограничивало объемы торговли с ними². Необходимость восполнять дефицит за счет импорта заставляла социалистические страны продавать наиболее ценные свои ресурсы в капиталистические страны, в том числе за счет сокращения поставок в страны соцлагеря. Наконец, сама плановая система не располагала к иностранным инвестициям: они грозили нарушением национальных планов и для стран-инвесторов, и для стран-реципиентов. В условиях ограниченных возможностей капиталовложений и высокого спроса на них на внутреннем рынке почти во всех сферах экономики было сложно не только отдать часть ресурсов на строительство предприятия в другой стране, но и принять их. Для принимающей стороны иностранные капиталовложения неизбежно вели к собственным капитальным затратам на развитие инфраструктуры, социального обеспечения и т.д.

Такие капиталовложения в логике плановых систем все-таки имели смысл, если способствовали снижению дефицита самого желанного ресурса – твердой валюты. Поэтому уже в 1956–1957 гг. в производстве ресурсов, которые импортировались из капиталистических стран, были запущены первые совместные проекты, основанные на принципе «долевого участия».

Социалистические страны обычно предоставляли друг другу долгосрочные кредиты в виде поставок товаров, технологической помощи или непосредственно проектных работ. Капиталовложения для реализации проектов «долевого участия» использовалась та же форма долгосрочного кредита, с одним существенным отличием – они должны были гаситься за счет поставок того вида ресурса, на производство которого выделялись

¹ РГАНИ. Ф.10. Оп.1 Д.3. Л.13-14, 46.

² РГАЭ. Ф.302. Оп.2. Д.12. Л.17.

средства. Часто погашение кредита было рассчитано на весь срок работы месторождения¹. В аналитических документах органов СЭВ проекты данного типа также выделяли в отдельную категорию². Примечательно, что в документах СЭВ название самой формы сотрудничества менялось, но список проектов фигурировал один и тот же, по крайней мере до конца 1960-х гг.

Экономисты социалистических стран иногда называли средства, выделенные в рамках этой формы сотрудничества, «инвестициями» [Durka: 1986; Gorywoda: 1978], хотя, строго говоря, инвестициями они не являлись. Поскольку акционерные компании в странах социалистического лагеря не получили широкого распространения, прямые инвестиции в рамках блока были практически исключены. Редким примером (и то с оговорками) можно назвать польско-венгерскую компанию по добычи угля из отвалов «Хальдекс».

Проекты подобного рода охватывали добычу и переработку угля, меди, серы, металлургического кокса, целлюлозы, фосфоритов и других видов сырья. Больше половины всех средств в рамках данных проектов приходилось на добычу первых трех ресурсов и являлись капиталовложениями Чехословакией для разработки польских месторождений [Попов: 2018, С. 110]. В документах СЭВ к этой форме сотрудничества иногда относили строительство польской ветки нефтепровода «Дружба» и сооружение энергосистем «Мир». С середины 1970-х гг. «долевое участие» заинтересованных стран относилось, прежде всего, к проектам на территории СССР, связанным с добычей и транспортировкой газа и железной руды.

Необходимо подчеркнуть, что в плановых экономиках позднего социализма реструктуризация нерентабельных отраслей была чрезвычайно сложным и болезненным с социальной точки зрения процессом, поэтому часто убыточные предприятия и даже отрасли продолжали функционировать довольно продолжительное время. С этой точки зрения, расширение производства ресурса, спрос на который не был гарантирован внутренним рынком, делало рентабельность производства чрезвычайно уязвимой для изменений рыночной конъюнктуры.

Влияние энергетического кризиса на внешнюю торговлю отдельными видами ресурсов

Энергетический кризис 1973 г. начался с резкого скачка цен на нефть, но вскоре повлек за

собой подорожание и других видов ископаемых ресурсов. Под влиянием этих событий внутри социалистического лагеря были пересмотрены механизмы ценообразования взаимной торговли, что привело к масштабным сдвигам в структуре торговли внутри блока. На примере отраслей, где были реализованы проекты « долевого участия » в сфере добычи сырья эти изменения являются ценным источником для понимания альтернативных путей и пределов развития социалистической интеграции (рис. 1–6).

Статистические данные внешней торговли внутри СЭВ свидетельствуют о том, что начало работы предприятий, построенных в рамках « долевого участия », привело к резкому росту объемов производства меди и серы в Польше, целлюлозы в Румынии. Качественный рост показателей в добыче железной руды, металлургического кокса и электроэнергии был результатом тесного сотрудничества стран-членов СЭВ сразу по нескольким направлениям, в том числе важную роль здесь сыграла координация усилий в рамках Постоянных комиссий СЭВ [Попов: 2018, С. 107–108].

Гораздо сложнее оценить эффекты польско-чехословацкого сотрудничества в производстве энергетического угля. По данному товару достигнутые договоренности регулярно нарушались обеими сторонами, расширение сотрудничества в этой сфере было признано нецелесообразным уже в середине 1960-х гг. Наконец, ключевую роль в развитии польской угольной отрасли в этот период играли внутренние инвестиции.

В случае проектов « долевого участия » грань между внутренними и иностранными инвестициями была довольно тонка. Например, в национальной статистике Польши все инвестиции на строительство предприятий по производству цветных металлов считались внутренними. При этом, как уже было сказано, в научных работах по экономическому сотрудничеству чехословацкие капиталовложения все же назывались « инвестициями ». Такая двойственность была связана с тем, что предоставляемые Чехословакией ресурсы проходили по торговым соглашениям, и польская сторона имела формальное право считать их своими распределяя внутри страны. В большинстве случаев доля таких « натурализованных » инвестиций была весьма существенной в общем объеме вложений к развитию конкретной отрасли. Единственным исключением была угледобыча.

Условия трех польско-чехословацких сырьевых соглашений предполагали расширение внешней торговли углем, серой и медью за счет поста-

¹ РГАЭ. Ф.561. Оп.28. Д.31. Л.32.

² РГАЭ. Ф. 561. Оп. 15. Д. 45. Л. 55–58.

вок большей части экспортной продукции новых предприятий в счет погашения займа. Однако на практике Чехословакия после запуска предприятий стала лишь вторым крупнейшим импортером польских меди и серы (рис. 3, 4) и третьим импортером металлургического кокса (рис.1). Наибольшие объемы этих ресурсов шли на рынки развитых капиталистических стран. При этом только к началу 1970-х гг. Польша стала нетто-экспортером меди.

Расширения производства каменноугольного кокса, целлюлозы, железной руды и электроэнергии, наоборот, не привели к переориентации на экспорт в капиталистические страны. Отчасти это объясняется тем, что запуск новых мощностей не мог покрыть существовавший внутри социалистического лагеря дефицит ресурсов. Хотя во всех странах, затронутых расширением производства, наблюдался рост экспорта в капиталистические страны (в том числе и электроэнергии там, где была техническая возможность ее транспортировки), темпы роста потребностей экономики были выше. Поэтому кроме Польши нет примеров, когда бы страна сменила статус с нетто-импортера на нетто-экспортера в торговле с развитыми капиталистическими странами названными видами сырья.

Вплоть до середины 1970-х гг. цены взаимной торговли стран-членов СЭВ были ниже мировых. Традиционно это обстоятельство объясняется несколькими факторами: низким качеством продукции, неконкурентоспособной на мировых рынках; недоступностью западноевропейских рынков по политическим и экономическим мотивам для многих видов товаров; субсидированием экономик Восточной Европы со стороны Советского Союза (и других развитых экономик блока) через занижение собственных экспортных цен [Marrese, Vanious: 1983].

Ситуация с ценами во взаимной торговле социалистических стран не устраивала экспортеров востребованных на Западе товаров. Для них продажа товара на мировых рынках приносила больше прибыли, которая к тому же выплачивалась в твердой валюте. Дискуссии о целесообразности торговли отдельными видами товаров велись и в СССР, для которого вопрос убыточности торговли с социалистическими странами был весьма болезненным. В 1973–1975 гг. разрыв между ценами на мировых рынках и внутри СЭВ резко увеличился. Советский Союз, более других терявший на разнице цен, продавал изменение внутриблочной системы ценообразования [Kansikas: 2017, С. 354–357].

Советское руководство добилось изменения механизма ценообразования во взаимной торговле социалистических стран с февраля 1975 г. Цены внутри социалистического блока теперь формировались на основе средних мировых цен за пять предшествующих лет, на один год, а не как это было раньше на пять лет на основе средних цен предшествующей пятилетки [Шастико: 1986, С. 55]. Разумеется, данная мера была в первую очередь направлена на компенсацию советских потерь от экспорта нефти и газа в социалистические страны [Kansikas: 2017, С. 358]. При этом цены внутри СЭВ, хотя и выросли, оставались более стабильными, чем в капиталистических странах.

Парадокс заключается в том, что в отличие от западных рынков, которые на рост цен ответили общим падением импорта сырья, внутри СЭВ по рассматриваемым группам товаров импорт вырос (рис. 1-6).

Сильнее всего изменилась структура торговли серой. СССР был крупным экспортером серы вплоть до 1976 г. (рис.4). Но начав в 1974 г. покупать все больше польской серы, он за несколько лет стал нетто-импортером на рынке СЭВ (рис.7). Такое изменение невозможно объяснить только продажей внутри СЭВ объемов серы, которые предназначались для капиталистических рынков, но не были реализованы из-за роста цен.

На рынке меди аналогичным образом с 1974 г. страны СЭВ увеличили импорт из Польши, тогда как доля советской меди последовательно снижалась (рис.3). К 1979 г. СССР занимал уже третье место в блоке по объемам импорта из социалистических стран, уступая только Чехословакии и ГДР.

Румыния с 1975 г. став производителем целлюлозы, но испытывая дефицит в данном виде сырья, резко сокращала общие объемы импорта. Причем, для главных поставщиков целлюлозы в страны СЭВ – развитых капиталистических стран и СССР было характерно снижение объемов поставок с 1976 г. Аналогичное падение экспорта из СССР наблюдалось в поставках железной руды и из СССР, Чехословакии, Польши – металлургического кокса.

При этом торговля электроэнергией внутри СЭВ после 1976 г. резко выросла (рис.5), несмотря на то, что экспорт СССР – главного поставщика стран-СЭВ – увеличивался медленнее средних темпов внутриблочной торговли. Из этого следует, что наибольший прирост давало увеличение продаж энергии Восточноевропейских стран друг другу.

В целом, в торговле каждым из рассматриваемых видов товаров под влиянием энергетического кризиса произошли значительные изменения. Наиболее заметные изменения произошли в структуре тех ресурсов, производство которых в рассматриваемый период в наибольшей степени было обусловлено реализацией проектов «долевого участия». В первую очередь речь идет о польско-чехословацких проектах в сфере добычи и переработки меди и серы.

Показательна и изменение роли СССР в рассмотренных примерах. Являясь крупнейшим поставщиком сырья в социалистические страны, Советский Союз увеличил закупки угля, меди и серы (рис. 3, 4), при этом сократив экспорт железной руды и целлюлозы (цены на которые также выросли) (рис. 2, 6). Эта практика не была чем-то новым для социалистического лагеря. После пересмотра неравноправного договора на поставки польского угля, советское руководство сначала резко сократило его импорт, а затем по просьбе польских властей снова увеличило, с тем чтобы осуществлять его реэкспорт в другие страны народной демократии [Попов: 2016, С. 135].

С большой долей вероятности, описанные изменения в структуре торговли сырьем стран-членов СЭВ были результатом попыток компенсировать неожиданно возникшие финансовые потери для восточноевропейских стран. Такая практика существовала и ранее. Наиболее известные примеры, описаны в мемуарах Н.С. Хрущева. Первый случай связан с закупкой Советским Союзом чехословацкого оборудования, предназначенное для Китая, от которого Мао Цзедун отказался в последний момент из-за начала «большого скачка»¹. Второй пример касается сложных торговых отношений с Румынией, в рамках которых длительное время сохранялись взаимные претензии по соотношению поставок «валютных» и «невалютных» товаров. Для советского руководства ассиметричность торгового обмена

¹ Хрущев Н.С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн.2. М.: Вече, 2016. С. 255.

была явным проявлением поддержки коммунистических режимов в Восточной Европе.

Заключение

Статистические данные по внешней торговле сырьем, производство которого развивалось в 1960е-1970е гг. в рамках «долевого участия» заинтересованных стран, свидетельствуют о том, что изначально ориентированное на торговлю внутри СЭВ увеличение добычи сырья привело к росту экспорта в капиталистические страны. Скачок цен на мировых рынках, повлек за собой сокращение поставок в страны Запада. При этом одновременно вырос импорт внутри СЭВ со стороны наиболее экономически развитых стран блока – СССР, Чехословакия и ГДР. Это могло бы быть объяснено появлением на рынке дополнительных объемов дефицитного сырья, которые страны-производители не смогли продать на Запад. Однако сами страны-импортеры по совместительству были крупными экспортерами.

На мой взгляд, изменения структуры экспорта в 1970-е гг. не были только лишь попыткой оплатить сохранение геополитического влияния, хотя и выполняли эту функцию. Изменения цен на ресурсы ставили под угрозу торговлю всего блока. Советский Союз, Чехословакия и ГДР были крупнейшими экспортерами, которые могли понести самый страшный удар от нарушения двусторонних торговых балансов внутри СЭВ. С этой точки зрения, они больше других были заинтересованы в предотвращении возникновения дисбалансов внешней торговли у партнеров и стабилизации системы двусторонних поставок и имели для этого гораздо больше возможностей. Подтверждением этой версии служит то, что остальные социалистические страны расширяли взаимную торговлю теми ресурсами, для которых сократились возможности экспорта в капиталистические страны и отсутствовала инфраструктура для экспорта в наиболее развитые страны СЭВ с последующим реэкспортом.

Список литературы

1. Валетов Т. Я. Цветные металлы в СССР. Производство и внешняя торговля в 1917–1966 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2015. Т.6. Выпуск 8 (41) [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840001265-0-1>.
2. Караваев В. П. Интеграция и инвестиции: проблемы сотрудничества стран СЭВ. М.: Наука, 1978. 206 с.
3. Липкин М. А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х – конец 1960-х годов. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 560 с.
4. Липкин М. А. «Мировой кооператив народов»: Совет Экономической Взаимопомощи, который пытался построить Н. С. Хрущев // Новый исторический вестник. № 4 (54), 2017. С. 121–144.

5. Некрасов В. Л. Советская модель экономики: институты, нефтегазовые ресурсы и проблема «ресурсного проклятия» // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Вып. 10 (54) [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840001894-2-1>.
6. Пивоваров Н. Ю. Советские экспортно-импортные планы и их реализация: что продавал и что покупал СССР во второй половине 1950-х годов // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 7 (71) [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840002410-0-2>
7. Попов А. А. Из истории Совета Экономической Взаимопомощи: проекты долевого участия в сырьевом секторе // Новый исторический вестник, № 1 (55), 2018. С. 105–119.
8. Попов А. А. «Наш ответ» Европейскому объединению угля и стали: попытки кооперации стран СЭВ в сфере добычи угля и железной руды (1950-е годы) // Новый исторический вестник, № 3 (49), 2016. С. 126–139.
9. Шастико В. М. Внешняя торговля СССР со странами СЭВ. М.: Наука, 1986. 110 с.
10. Широков О. Н. СЭВ в мировой экономике: современная оценка проблемы функционирования и значения. Вопросы истории, методологии и историографии. М: ИНИОН РАН РФ, 2005. 155 с.
11. Austin J. The Soviet State as Imperial Scavenger: “Catch Up and Surpass” in the Transnational Socialist Bloc, 1950–1960 // *The American Historical Review*, Vol. 116. Iss.1. 2011. P. 109–132.
12. Beckmann E., Fidrmuc J. Oil Price Shock and Structural Changes in CMEA Trade. Pouring Oil on Troubled Waters? // *Munich Discussion Paper*, 2009, №12, URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:bvb:19-epub-10963-7>
13. Csaba L. Joint investment and mutual advantages in the CMEA – retrospection and prognosis// *Soviet Studies*. 1985. Vol.37, Iss. 2. pp. 227–247.
14. Durka, B. *Sąsiedzka współpraca PRL – CSRS*, Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1986. 140 s.
15. Gerlach C. The Grain-Meat Complex as a Source of International Integration of CMEA Countries// *Comecon revised. Integration in the Eastern Bloc and Entanglements with the Global Economy*. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2017. pp. 101–117.
16. Gorywoda M. *Współpraca krajów RWPG w gospodarowaniu surowcami*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Ekonomiczne, 1978. 168 s.
17. Graziani G., Vale M. Capital Movements within the CMEA// *Soviet and Eastern Foreign Trade*. Vol. 22, no. 1, 1986. pp. 19–50.
18. Kansikas S. Acknowledging Economic Realities. The CMEA Policy Change vis-à-vis the European Community, 1970-3 // *European Review of History*, Vol.21, no.2, 2014. pp. 311–328.
19. Kansikas S. Calculating the Burden of empire: Soviet oil, East-West trade, and the End of the Socialist Bloc// *Cold War Energy. A Transnational history of Soviet oil and gas/* Ed. J. Perović. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. pp. 345–370.
20. Kansikas S. *Socialist Countries Face the European Community. Soviet-bloc Controversies over East-West Trade*, Peter Lang GmbH, 2014. 224 p.
21. Libbey J.K. CoCom, Comecon, and the Economic Cold War // *Russian History*, Vol. 37, no. 2, 2010. pp. 133–152.
22. Marrese M. CMEA: Effective but cumbersome political economy// *International Organization*. 1986. Vol. 40, Iss. 2. pp. 287–327.
23. Marrese M., Vanious J. *Soviet Subsidization of Trade with Eastern Europe: A Soviet Perspective*. Berkeley: Univ. of Calif. Press, 1983. 254 p.
24. Paździora, J. *Polska Miedź 1945–2010*. Żary, 2011. 232 s.
25. Perović J. The Soviet Union’s Rise as an International Energy Power: A Short History // *Cold War Energy. A Transnational history of Soviet oil and gas/* Ed. J. Perović. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. pp. 1–77.
26. Popov A.A. Trade Expansion within the Council for Mutual Economic Assistance after the Polish and Hungarian Crises // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, Iss. 4, pp. 1303–1316.
27. Radisch E. The Struggle of the Soviet Conception of Comecon, 1953–1975 // *Comecon revised. Integration in the Eastern Bloc and Entanglements with the Global Economy*. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2017. pp. 26–47.
28. Różański H. *Spojrzenie na RWPG. Wspomnienia dokumenty refleksje. 1949-1988*, Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1990. 306 s.

29. Sanchez-Sibony O. Red globalization. The political economy of the Soviet Cold War from Stalin to Krushchev. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2014. 294 p.

30. Skrzypek A. Mechanizmy autonomii: Stosunki posko-radieckie 1956-1965. Pułtusk-Warszawa: Wyższa Szkoła Humanistyczna in. A. Gieysztor, 2005. 346 s.

31. Stone R. Satellites and Commissars: Strategy and Conflict in the Politics of Soviet-Bloc Trade. Princeton: Princeton Univ. Press, 1996, 283 p.

32. Vincze I. International Payments and Monetary System in the Integration of the Socialist Countries. Springer-Science+Business Media, B.V., 1984. 186 p.

Сведения об авторе

Попов Алексей Алексеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Управления научной и инновационной деятельности Южно-уральского государственного университета, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета.

aapopov@susu.ac.ru

Magistra Vitae.

2019. No 1. P. 49–62.

“EQUITY PARTICIPATION” PROJECTS AND THE ENERGY CRISIS OF 1973: FACTORS OF THE STRUCTURE CHANGE OF RAW MATERIALS EXPORT IN THE CMEA COUNTRIES

A. A. Popov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, aapopov@susu.ac.ru

The study was carried out by a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 17-78-10070)

Energy crisis of the mid 1970s had a tremendous impact on economic relations of both sides of the Iron Curtain. In the politicized mutual trade of the socialist countries this event led to a revision of many well-established trade chains. In this article, on the basis of previously unpublished statistical materials of the CMEA Secretariat, the impact of the energy crisis on the trade in coal, coke, copper, sulfur, cellulose and electricity within the social camp has been analyzed. In the production of these types of resources, projects of “equity participation” were implemented. It involved investments of the countries concerned in the production of raw materials in areas with rich reserves. The analysis has shown that there were fundamental changes in the structure of exports in trade of goods, the growth of production of which was most dependent on the implementation of these projects. After changing the pricing mechanism within the CMEA, the most developed countries of the block, especially the USSR, began to import large amounts of these resources from the CMEA countries, reducing their own exports.

Keywords: *Council for Mutual Economic Assistance, foreign trade, energy crisis, USSR, East European history, “equity participation” projects.*

References

1. Valetov T. Y. (2015) Cvetnye metally v SSSR. Proizvodstvo i vneshnyaya trgovlya v 1917–1966 gg [=Non-Ferrous Metals of the USSR: Their Production and Trade in 1917–1966], in: *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»*. T.6. Vyp. 8 (41). URL: <http://history.jes.su/s207987840001265-0-1> (In Russ.).

2. Karavaev V. P. (1978) *Integraciya i investicii: problemy sotrudnichestva stran SEV* [=Integration and Investments: problems of cooperation of socialist countries]. Moscow: Nauka. 206 p. (In Russ.).

3. Lipkin M. A. (2016) *Sovetskij Sojuz i integracionnye processy v Evrope: seredina 1940-h – konec 1960-h godov* [=The Soviet Union and the integration processes in Europe: the mid-1940s – the late 1960s]. M.: Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke. 560 p. (In Russ.).

4. Lipkin M. A. (2017) «Mirovoj kooperativ narodov»: Sovet Jekonomicheskoj Vzaimopomoshhi, kotoryj pytalsja postroit' N.S. Hrushhev [=The “Global Cooperative of Peoples”: The Council for Mutual

Economic Assistance that Nikita Khrushchev Tried to Build], in: *Novyj istoricheskij vestnik*, no. 4 (54), pp. 121–144 (In Russ.).

5. Nekrasov V. L. (2016) Sovetskaya model' ekonomiki: instituty, neftegazovye resursy i problema «resurnogo proklyatiya» [=The Soviet Economic Model: Institutions, Oil and Gas Resources and the Challenge of “Resource Curse”] *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»*. Vyp. 10 (54). URL: <http://history.jes.su/s207987840001894-2-1> (In Russ.).

6. Pivovarov N. J. (2018) Sovetskie eksportno-importnye plany i ih realizaciya: chto prodaval i chto pokupal SSSR vo vtoroj polovine 1950-h godov [=Soviet Export-Import Plans and Their Implementation: What the USSR Sold and Bought in the Second Half of the 1950s], in: *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»*. T. 9. Vyp.7 (71). URL: <http://history.jes.su/s207987840002410-0-2> (In Russ.).

7. Popov A.A. (2018) Iz istorii Soveta Ekonomicheskoy Vzaimopomoshchi: proekty dolevogo uchastiya v syr'evom sektore [=From the History of the Council for Mutual Economic Assistance: Share Participation Projects in the Raw-Materials Sector (1950s – 1960s)], in: *Novyj istoricheskij vestnik*, № 1 (55), pp. 105–119 (In Russ.).

8. Popov A.A. (2016) «Nash otvet» Evropejskomu ob#edineniju uglja i stali: popytki kooperacii stran SJeV v sfere dobychi uglja i zheleznoj rudy (1950-e gody) [=“Our Response” to the European Coal and Steel Community: Cooperation Efforts of the CMEA Countries in the Sphere of Coal and Iron Ore Mining (1950s)], in: *Novyj istoricheskij vestnik*, no. 3 (49), pp. 126–139 (In Russ.).

9. Shastiko V. M. (1986) *Vneshnyaya torgovlya SSSR so stranami SEV* [=Foreign trade of the USSR with the CMEA countries.]. Moscow: Nauka. 110 p. (In Russ.).

10. Shirokov O. N. (2005) *SJeV v mirovoj jekonomike: sovremennaja ocenka problemy funkcionirovanija i znachenija. Voprosy istorii, metodologii i istoriografii* [=CMEA in the world economy: a modern assessment of the problem of functioning and significance. Questions of history, methodology and historiography]. M: INION RAN RF. 155 p. (In Russ.).

11. Austin J. (2011) The Soviet State as Imperial Scavenger: “Catch Up and Surpass” in the Transnational Socialist Bloc, 1950–1960, in: *The American Historical Review*, Vol. 116. Iss.1. Pp. 109–132.

12. Beckmann E., Fidrmuc J. (2009) Oil Price Shock and Structural Changes in CMEA Trade. Pouring Oil on Troubled Waters?, in: *Munich Discussion Paper*, no. 12. URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:bvb:19-epub-10963-7>

13. Csaba L. (1985) Joint investment and mutual advantages in the CMEA – retrospection and prognosis, in: *Soviet Studies*. Vol. 37. Iss. 2, pp. 227–247.

14. Durka B. (1986) *Sąsiedzka współpraca PRL – CSRS*, Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza. 140 p.

15. Gerlach C. (2017) The Grain-Meat Complex as a Source of International Integration of CMEA Countries, in: *Comecon revised. Integration in the Eastern Bloc and Entanglements with the Global Economy*. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, pp. 101–117.

16. Gorywoda M. (1978) *Współpraca krajów RWPG w gospodarowaniu surowcami*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Ekonomiczne. 168 p.

17. Graziani G., Vale M. (1986) Capital Movements within the CMEA, in: *Soviet and Eastern Foreign Trade*. Vol. 22, no. 1, pp. 19–50.

18. Kansikas S. (2014) Acknowledging Economic Realities. The CMEA Policy Change vis-à-vis the European Community, 1970-3, in: *European Review of History*. Vol.21, no.2, pp. 311–328.

19. Kansikas S. (2017) Calculating the Burden of empire: Soviet oil, East-West trade, and the End of the Socialist Bloc, in: *Cold War Energy. A Transnational history of Soviet oil and gas* / Ed. J. Perović. Cham: Palgrave Macmillan, pp. 345–370.

20. Kansikas S. *Socialist Countries Face the European Community. Soviet-bloc Controversies over East-West Trade*, Peter Lang GmbH, 2014. 224 p.

21. Libbey J. K. (2010) CoCom, Comecon, and the Economic Cold War, in: *Russian History*, Vol. 37, no. 2, pp. 133–152.

22. Marrese M. (1986) CMEA: Effective but cumbersome political economy, in: *International Organization*. Vol. 40, Iss. 2, pp. 287–327.

23. Marrese M., Vanious J. (1983) *Soviet Subsidization of Trade with Eastern Europe: A Soviet Perspective*. Berkeley: Univ. of Calif. Press. 254 p.

24. Paździora J. (2011) *Polska Miedź 1945–2010*. Żary. 232 p.

25. Perović J. (2017) The Soviet Union's Rise as an International Energy Power: A Short History, in: *Cold War Energy. A Transnational history of Soviet oil and gas* / Ed. J. Perović. Cham: Palgrave Macmillan, pp. 1–77.

26. Popov A. A. (2018) Trade Expansion within the Council for Mutual Economic Assistance after the Polish and Hungarian Crises, in: *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 63, Iss. 4, pp. 1303–1316.

27. Radisch E. (2017) The Struggle of the Soviet Conception of Comecon, 1953–1975, in: *Comecon revised. Integration in the Eastern Bloc and Entanglements with the Global Economy*. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, pp. 26–47.

28. Różański H. (1990) Spojrzenie na RWPG. Wspomnienia dokumenty refleksje. 1949–1988, Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. 306 p.

29. Sanchez-Sibony O. (2014) Red globalization. The political economy of the Soviet Cold War from Stalin to Krushchev. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 294 p.

30. Skrzypek A. (2005) Mechanizmy autonomii: Stosunki posko-radieckie 1956–1965. Pułtusk-Warszawa: Wyższ Szkoła Humanistyczna in. A. Gieysztor. 346 p.

31. Stone R. (1996) Satellites and Commissars: Strategy and Conflict in the Politics of Soviet-Bloc Trade. Princeton: Princeton Univ. Press, 283 p.

32. Vincze I. (1984) International Payments and Monetary System in the Integration of the Socialist Countries. Springer-Science+Business Media, B.V. 186 p.

Приложения

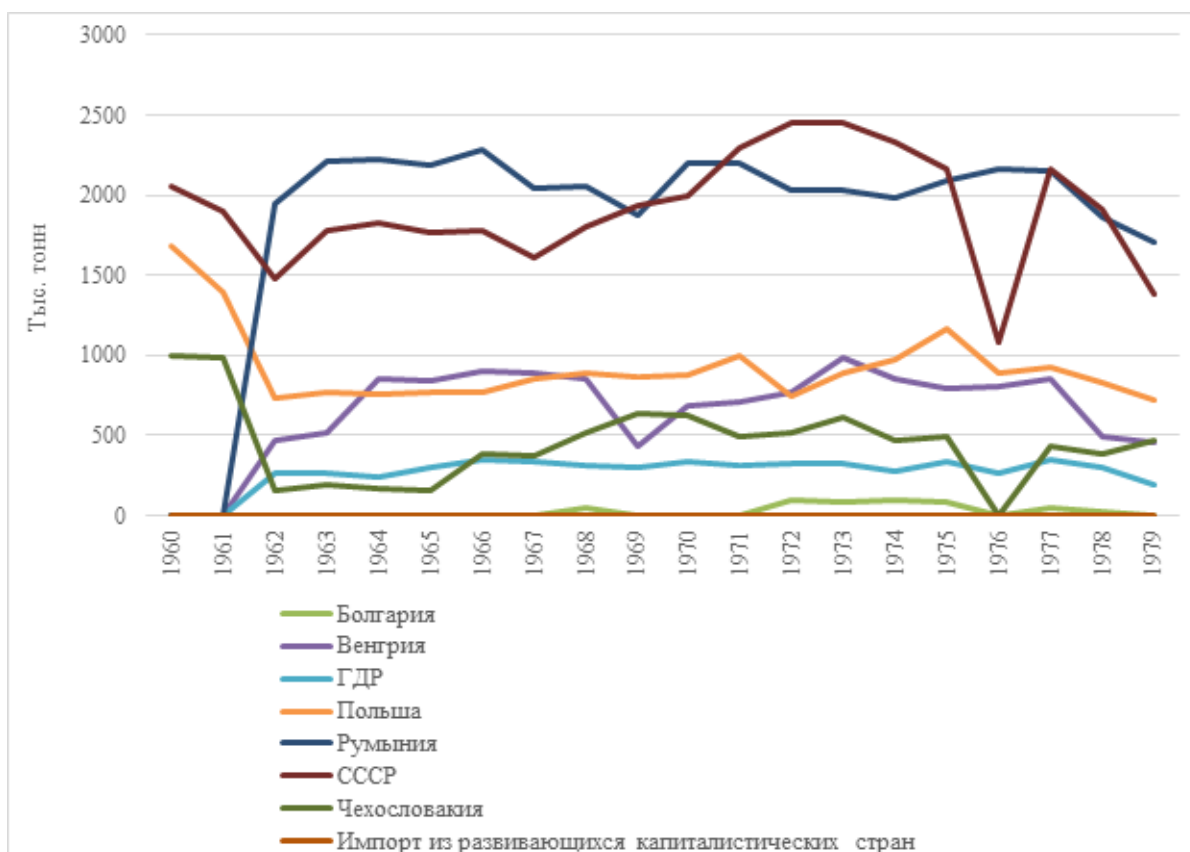

Рис. 1. Основные экспортеры металлургического кокса на рынок стран-членов СЭВ

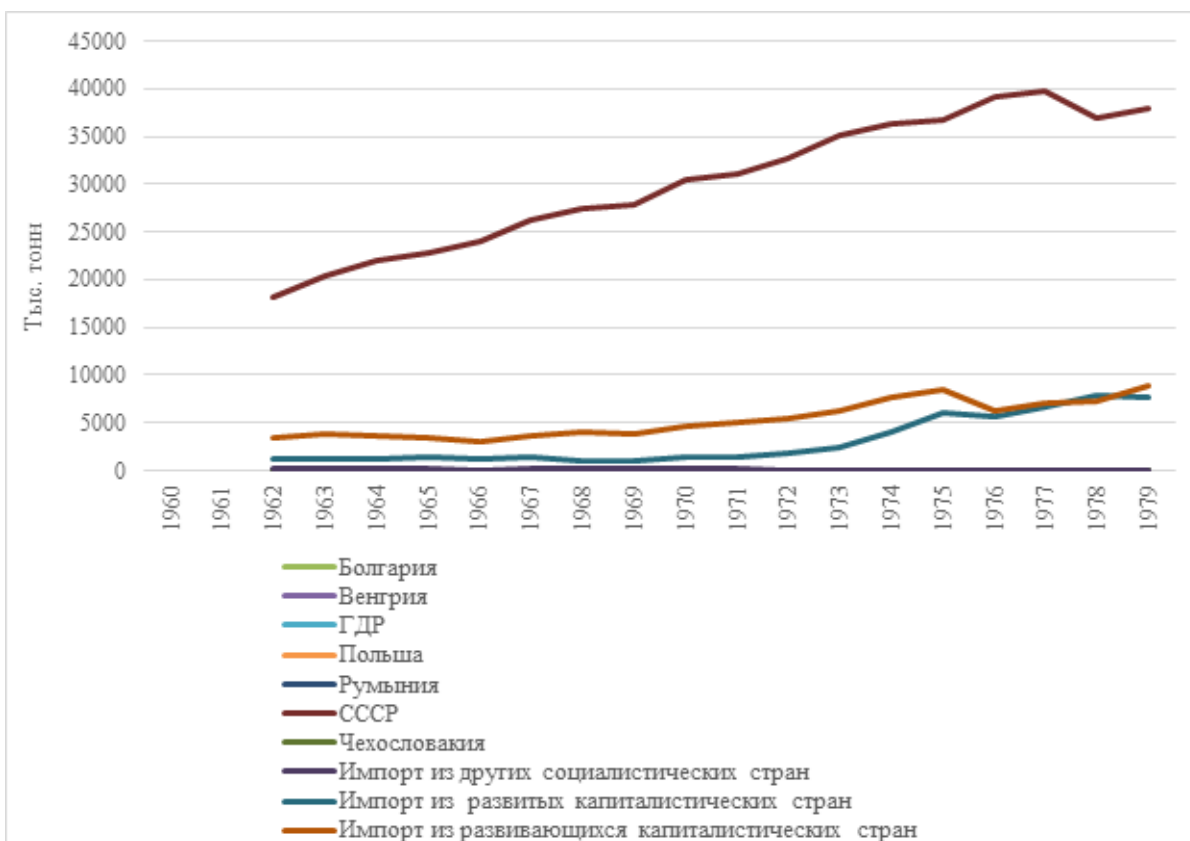

Рис. 2. Основные экспортеры железной руды на рынок стран-членов СЭВ

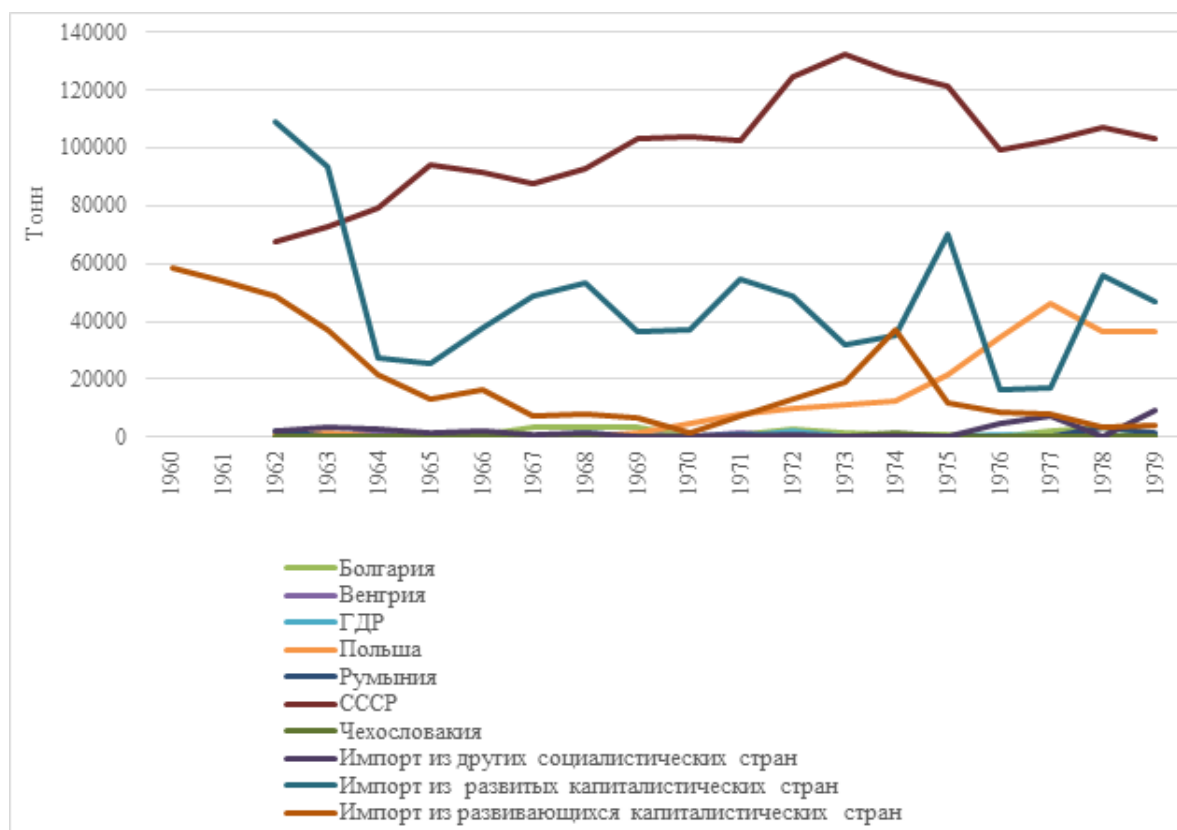

Рис. 3. Основные экспортеры меди на рынок стран-членов СЭВ

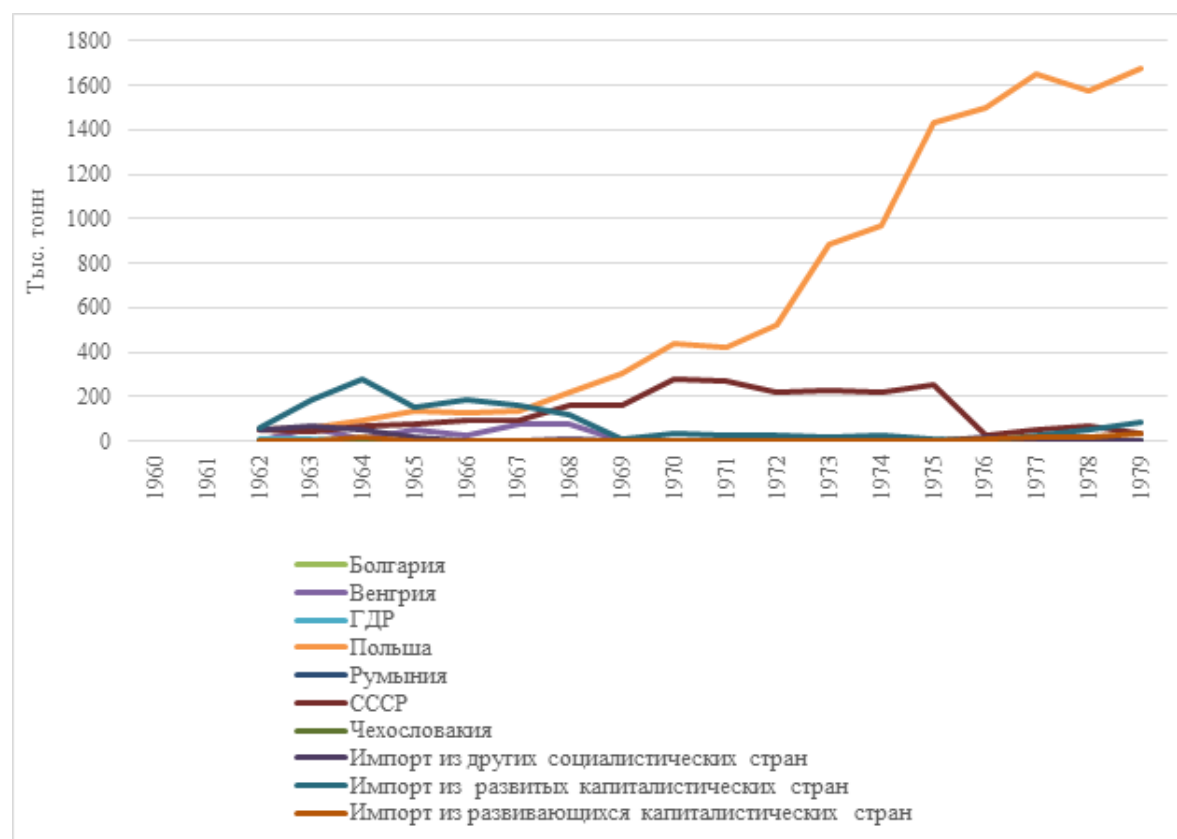

Рис. 4. Основные экспортеры серы на рынок стран-членов СЭВ

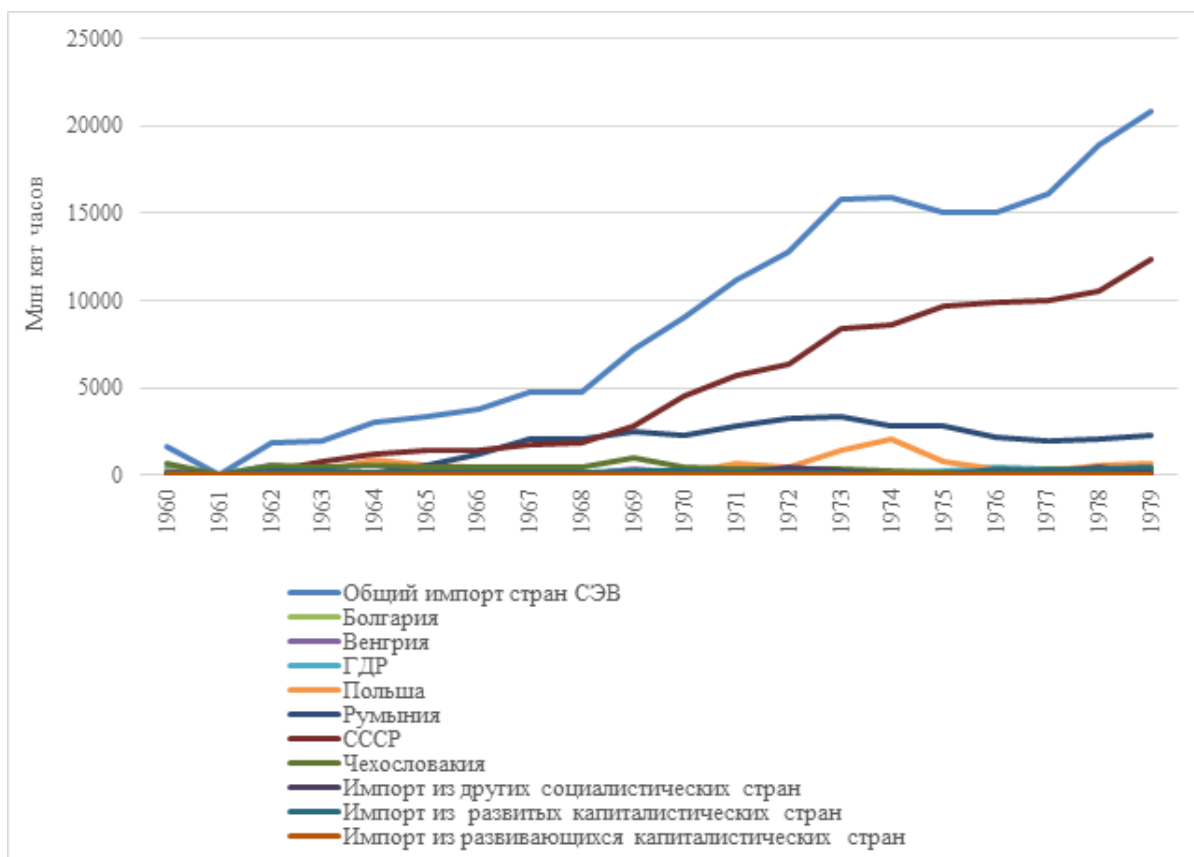

Рис. 5. Основные экспортеры электроэнергии на рынок стран-членов СЭВ

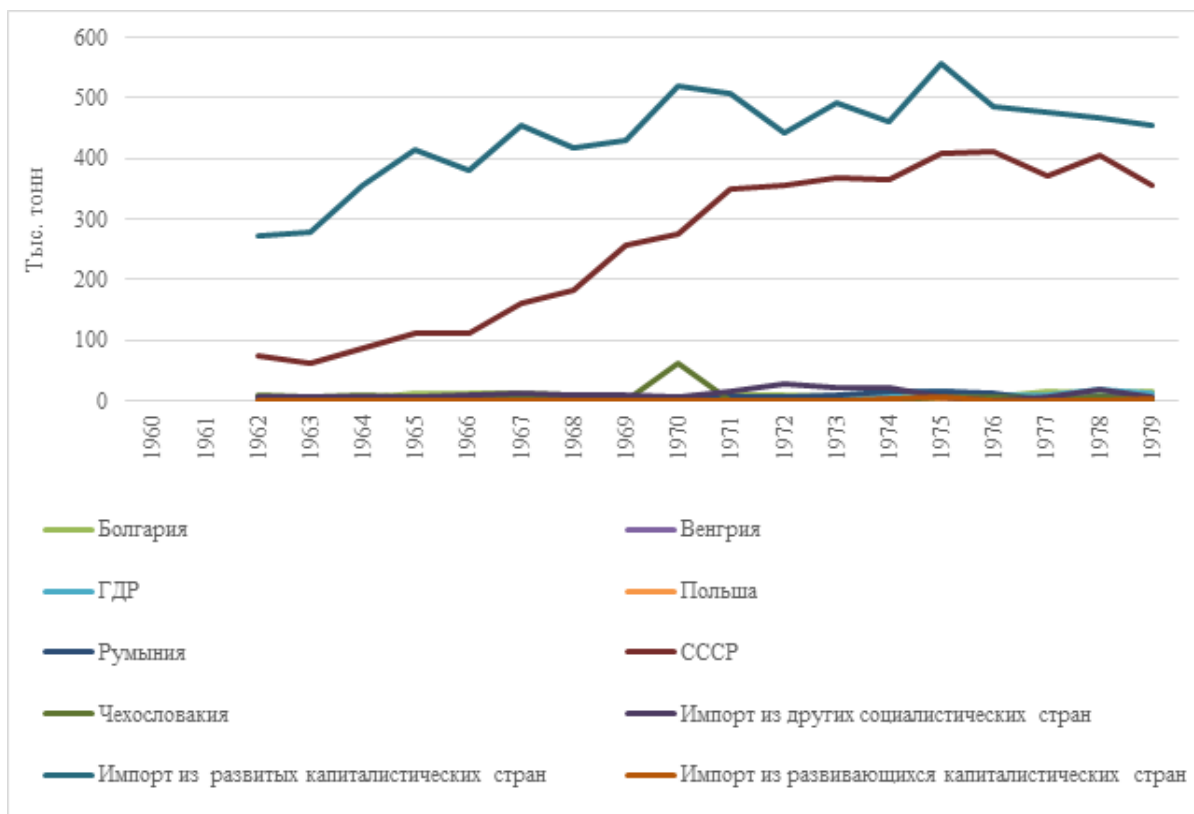

Рис. 6. Основные экспортеры целлюлозы на рынок стран-членов СЭВ

Рис.7. Чистый экспорт серы СССР